

Научная статья
Научная специальность
5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343.101
DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.1.107>

СООТНОШЕНИЕ СВОЕВРЕМЕННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ ОБВИНЕНИЯ И УСЛОВИЙ ПРАВОМЕРНОСТИ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

© **Росинский С. Б., 2024**

Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Произведен критический анализ одного из условий правомерности применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве, предполагающего приоритетность их избрания лишь в отношении обвиняемых. Обращается внимание на сформировавшееся понимание данного условия как не вызывающего критических оценок непреложного постулата, на его бесспорную очевидность для ученых и практических работников. Одновременно говорится о существенной правовой коллизии, выраженной в его несогласованности с основаниями досудебного привлечения к уголовной ответственности и приводящей к порочной практике выдвижения преждевременных и должным образом не обоснованных обвинений. Отмечается распространение в правоприменительной практике двухэтапной прикладной технологии формулирования уголовно-правовых претензий, сводящейся к выдвижению двух различных по времени, объему, степени доказанности и содержанию обвинений: «пилотного» и окончательного. В целях надлежащего понимания анализируемых проблем диагностируются причины их возникновения, которые усматриваются в непродуманном переносе в советское и современное законодательство ряда положений дореволюционного уголовно-процессуального права без их адаптации к соответствующим механизмам уголовно-процессуальной деятельности. В результате называется правовое условие, увязывающее возможность использования мер пресечения с выдвижением в отношении лица обвинения, которое оценивается как подлежащий упразднению нормативный анахронизм. Одновременно предлагается избирать меру пресечения на общих основаниях в отношении подозреваемого.

Ключевые слова: домашний арест, заключение под стражу, избрание меры пресечения, меры пресечения, обвинение, обвиняемый, подозреваемый, привлечение в качестве обвиняемого.

THE RELATIONSHIP OF THE TIMELINESS AND REASONABILITY OF THE CHARGES AND THE CONDITIONS FOR THE LEGALITY OF CHOOSING A MEASURE OF PRESTRESSION

© **Rossinsky S. B., 2024**

Institute of State and Law RAS, Moscow, Russian Federation

A critical analysis has been made of one of the conditions for the legality of the use of preventive measures in criminal proceedings, which presupposes the priority of their election only in relation to the accused. Attention is drawn to the established understanding of this condition as an immutable postulate that does not cause critical assessments, to its indisputable obviousness for scientists and practitioners. At the same time, it speaks of a significant legal conflict, expressed by its inconsistency with the grounds for pre-trial criminal prosecution and leading to the vicious practice of bringing forward premature and not properly substantiated charges. It is argued that a two-stage applied technology for formulating criminal legal claims has become widespread in law enforcement practice, which boils down to bringing forward two different charges in time, volume, degree of proof and content: "pilot" and final. In order to properly understand the analyzed problems, the reasons for their occurrence are diagnosed, which are seen in the ill-considered transfer of a number of provisions of pre-revolutionary criminal procedural law into Soviet and modern legislation without their adaptation to the corresponding mechanisms of criminal procedural activity. As a result, a legal condition is called that links the possibility of using preventive measures with bringing charges against a person and is assessed as a normative anachronism subject to abolition. At the same time, it is proposed to choose a preventive measure on a general basis in relation to the suspect.

Keywords: house arrest, detention, choosing a preventive measure, preventive measure, accusation, accused, suspect, bringing in as an accused.

Введение

Любые меры уголовно-процессуального пресечения, с одной стороны, являются типичными формами государственного принуждения, типичными правоограничительными механизмами, с другой – характеризуются повышенной степенью жесткости и явно преобладают над остальными применяемыми в сфере публично-правового регулирования способами принудительного воздействия на поведение участников правоотношений, не вполне predisposed к добровольному соблюдению и исполнению адресованных им запретов и предписаний. И здесь нет ничего удивительного, поскольку особый характер уголовного судопроизводства целом и уголовного преследования в частности, предопределенный возможностью применения в отношении признанных виновными лиц уголовной репрессии, объективно вынуждает государственную власть периодически обращаться к потенциалу достаточно серьезных принудительных приемов, использовать достаточно обременительные для подозреваемых и обвиняемых способы обеспечения их надлежащего поведения, по крайней мере по сравнению с «некриминальными» процессами (с гражданским судопроизводством, производством по делам об административных правонарушениях и т. д.). В этой связи от органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда требуется максимально точное, неукоснительное выполнение установленных законом условий и соблюдение процедур избрания (продления) любых процессуально-пресекательных мер, в первую очередь мер пресечения арестантского типа [3, с. 93; 5, с. 18 и др.]. Рассмотрению и осмыслению одного из них в общей системе уголовно-процессуального регулирования и посвящается настоящая статья.

Материалы и методы исследования

Итак, одно из существующих условий правомерности избрания мер уголовно-процессуального пресечения – это известное предписание о возможности использования их потенциала лишь в отношении лиц, подвергнутых уголовному преследованию: в приоритетном порядке (по общему правилу) – обвиняемых, а в исключительных случаях – подозреваемых (ч. 1 ст. 97, ч. 1 ст. 100 УПК РФ). Причем оно уже настолько укоренилось в отечественной доктрине и системе уголовно-процессуального регулирования, что фактически превратилось в не нуждающуюся в каком бы то ни было обосновании аксио-

матичную догму – воспринимается абсолютным большинством практических работников и даже ученых в качестве само собой разумеющегося, непреложного правового постулата. Во всяком случае, такое требование никогда не вызывало критических оценок, да и вообще не привлекало особого научного внимания, а преимущественно освещалось путем пересказа, зачастую даже дословного переписывания соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства [1, с. 5; 4, с. 536; 6, с. 9 и др.].

На первый взгляд, наблюдаемая научная апатия к данному условию правомерности избрания меры уголовно-процессуального пресечения является вполне очевидной и понятной – такое требование вроде бы достаточно разумно и необходимо для использования в дознавательской, следственной, прокурорской и судебной деятельности, поскольку содержит одну из важных гарантий защищенности личности от возможных практических ошибок, тем более от, увы, еще существующего правоприменительного произвола. Ведь в подавляющем большинстве случаев, по крайней мере относящихся к ведению органов предварительного следствия, возможность использования установленных гл. 13 УПК РФ¹ правоограничительных механизмов находится в прямой зависимости от привлечения в качестве обвиняемого, т. е. сопряжена с подлежащей подтверждению должным количеством доказательств уверенностью следователя в виновности лица в совершении некоего преступного деяния – казалось бы, что же в этом плохого, странного, непонятного?

Вместе с тем при более глубоком погружении в тонкости и детали данного правового условия в поле зрения неизбежно попадает один весьма неприятный нюанс, оказывающий самое пагубное влияние на правоприменительную практику, но не столько в части избрания мер уголовно-процессуального пресечения, сколько в части самого досудебного привлечения соответствующих лиц к уголовной ответственности, т. е. их признания обвиняемыми в порядке гл. 23 УПК РФ. *Процедуры, существующие правила использования органами предварительного следствия (иногда – дознания) процессуально-пресекательных приемов оказывают достаточно ощутимое «побочное действие» – приводят к преждевременным, скоропалительным, надлежащим*

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 29 дек. 2022 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

образом не обоснованным обвинением, т. е. прямо противоречат самой сущности, самому смыслу предварительного расследования как этапу уголовного судопроизводства, направленного именно на обеспечение возможности формирования обвинительного тезиса (уголовно-правовой претензии, своеобразного «уголовного иска»), впоследствии становящегося предметом и обуславливающего пределы судебного разбирательства.

Необходимо вспомнить, что постановление о привлечении в качестве обвиняемого – далеко не сугубо формальный следственный акт, переводящий лицо из одного юридического состояния в другое с его наделением целым рядом предусмотренных ч. 4 ст. 47 УПК РФ диспозитивных возможностей, равно как процедура предъявления обвинения – это не просто совокупность «технических» приемов, позволяющих такому лицу осознать свою правовую участь и уразуметь особенности своего положения. Исходя из смысла ч. 1 ст. 173 УПК РФ в ее системном единстве с п. 22 ст. 5 УПК РФ и рядом других положений закона, и само постановление, и вся связанная с ним юрисдикционная процедура, как уже отмечалось выше, могут быть детерминированы лишь подлинной уверенностью следователя в изобличении человека в совершении определенного преступления, убежденностью в правильности квалификации инкриминируемого ему деяния и «положительной» судебной перспективе выдвинутой уголовно-правовой претензии. В связи с чем в публикациях автора настоящей статьи привлечение в качестве обвиняемого уже неоднократно признавалось неким апогеем, кульминационным моментом всего досудебного производства, означающим (по крайней мере, по оценкам следователя) завершение познавательной фазы предварительного следствия, т. е. напрямую связывалось со следственными выводами о доказанности всех подлежащих установлению по данному делу обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, а само постановление о привлечении в качестве обвиняемого – в некотором смысле сравнивалось с обвинительным приговором [8, с. 62; 10, с. 104].

К слову, схожие воззрения можно встретить и в публикациях других авторов. В частности, еще советские ученые-процессуалисты отождествляли законность и обоснованность следственного обвинения с уверенностью его автора (следователя) в абсолютной доказанности

выдвигаемой претензии, в ее готовности к внесению на рассмотрение суда, с убежденностью в предстоящей непоколебимости судьбы (судей) в вопросе признания человека виновным в совершении инкриминируемого преступления, а игнорирование данного условия, напротив, расценивали как существенное нарушение принципа состязательности, презумпции невиновности и других важнейших постулатов уголовно-процессуальной деятельности. Основанные на шатких, неустойчивых позициях, на сомнительных или «натянутых» выводах постановления о привлечении в качестве обвиняемых обычно рассматривались в качестве совершенно недопустимых либо просто преждевременных следственных актов [2, с. 128; 7, с. 186; 11, с. 120]. Схожие оценки – о незаконности привлечения человека в качестве обвиняемого без подтверждения вмененного ему криминального деяния достаточной совокупностью доказательств – периодически давались и Конституционным Судом РФ, например, в известном Определении Суда от 21 декабря 2006 г. № 589-О¹.

И в этой связи автор настоящей статьи неоднократно указывал на абсолютную неприемлемость так называемых пилотных (первоначальных) обвинений, на всю противоестественность практики скоротечного формулирования обвинительных тезисов, не подтвержденных результатами полного, всестороннего и объективного познания значимых для уголовного дела обстоятельств, а выдвигаемых по итогам проведения ряда безотлагательных следственных (иных процессуальных) действий и (или) исследования полученных на первоначальном этапе расследования предметов либо документов. Одновременно указывалось, что такие неполноценные обвинения, будучи всего лишь следственными версиями, т. е. сделанными с той или иной степенью вероятности предположениями о совершении некими людьми неких преступных деяний, на самом деле никакими обвинениями не являются, а представляют собой не более чем подозрения – официальные гипотезы, дающие лишь основания для продолжения уголовного преследования в отношении указанных лиц и дальнейшего собирания дока-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Чирьева Константина Викторовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 21 дек. 2006 г. № 589-О // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

зательств в целях их возможного привлечения к уголовной ответственности [9, с. 124, 127].

Конечно, при этом было обращено внимание на относительную условность подобных постулатов, на их полноценную пригодность только к наиболее типичным, как бы классическим условиям досудебного производства, сводящимся к уголовному преследованию всего лишь одного лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении единственного акта (эпизода) криминальной деятельности. В связи с чем разъяснялось, что в более сложных случаях, например, связанных с расследованием групповых, многоэпизодных и тому подобных преступлений, а также в случаях, предполагающих возникновение потребности «дорасследования» уголовных дел и предъявления нового обвинения ввиду активных позиций обвиняемых, защитников, других заинтересованных субъектов уголовного судопроизводства после выполнения предусмотренных гл. 23 УПК РФ требований, вполне могут производиться какие-либо еще процессуально-познавательные действия, собираться какие-либо еще доказательства и т. д. Но все подобные ситуации виделись и продолжают видеться как те самые частные исключения, лишь подтверждающие, во всяком случае никоим образом не способные поколебать, общее правило о неприемлемости «пилотных» обвинений.

Однако возможность практической реализации указанного и, как думается, единственно верного подхода к сущности и условиям досудебного привлечения человека к уголовной ответственности, к выдвиганию в отношении него законного и обоснованного «уголовного иска» невольно попадает в поставленную как бы «другой рукой» того же законодателя нормативную ловушку, неизбежно упирается в тупик – в явную правовую коллизию, выраженную в несогласованности оснований для признания лица обвиняемым и условий избрания в отношении него любой из предусмотренных УПК РФ мер уголовно-процессуального пресечения. Всякий раз, осознавая объективную потребность в использовании таких правоограничительных механизмов прямо на «старте» или где-то в начальной фазе персонализированного уголовного преследования, имея вполне достаточные основания для их применения к подозреваемым, следователи сталкиваются с весьма неприятным выбором: ввиду явной преждевременности досудебного привлечения человека к уголовной ответ-

ственности отказаться от процессуально-пресекательных намерений и, приняв на себя все возможные риски, просто отпустить его «под честное слово» либо поступить более прагматично – пойти на «делку с совестью» и, особо не взывая к своему внутреннему убеждению, быстро «слепить» из имеющегося материала еще не созревший, не подтвержденный достаточной совокупностью доказательств «пилотный» обвинительный тезис (набросать на скорую руку соответствующее постановление), после предъявления которого банально избрать требуемую меру пресечения (инициировать ее избрание перед судом), а затем спокойно продолжить производство предварительного расследования. Причем в силу понятных любому специалисту причин, как правило, выбирается именно второй вариант поведения – он намного проще, спокойнее, эргономичнее, а самое главное, выгоднее и безопаснее, поскольку позволяет избежать вполне ожидаемых в противном случае нареканий руководства.

Нетрудно догадаться, что наиболее чувствительно данная коллизия ощущается в случаях, связанных с потребностью избрания мер пресечения арестантского типа (домашнего ареста либо заключения под стражу) в отношении ранее задержанных по подозрению в совершении преступления лиц. Ведь имеющий конституционно-правовые корни известный 48-часовой лимит внесудебного ограничения свободы уж совсем не предрасположен к должному обоснованию обвинительного тезиса. Тем более что первая часть указанного срока банально расходуется на доставку подозреваемого в орган предварительного следствия, а последняя – поглощается 8-часовым временным отрезком, разумно зарезервированным законодателем для проведения самого судебного заседания в порядке ст. 108 УПК РФ. Поэтому в реальности в распоряжении следователя остается совсем мало времени, какие-то «жалкие крохи» – немногим более, а иногда и менее суток. В подобных темпорально ограниченных условиях ни о какой надлежащей аргументации выдвигаемого обвинения, ни о какой оценке доказательств на основе внутреннего убеждения размышлять, конечно, не приходится – успеть бы провести самые безотлагательные процессуально-познавательные действия, в первую очередь предусмотренные ведомственными методическими рекомендациями, набросать на скорую руку пресловутое постановление о привлечении в качестве обвиняемого, ознако-

мать с ним задержанного, быстро добросить его и скорее приступить к формированию «арестантского» материала для направления в суд. И еще хорошо, если задержано всего одно лицо! А если таковых несколько?¹

Справедливости ради, следует обратить внимание, что в действующей системе уголовно-процессуального регулирования, конечно, существует некий страховочный механизм, способствующий преодолению возникающих трудностей, – предусмотренный ст. 100 УПК РФ порядок превентивного избрания мер пресечения в отношении подозреваемых, т. е. до формулирования и предъявления им полноценных и обоснованных уголовно-правовых претензий. Использование подобных возможностей заметно облегчает следственную практику, в особенности по уголовным делам о групповых преступлениях, нередко сопряженным с одно-временными задержаниями нескольких или даже многих лиц. Однако такое дозволение является не более чем «приятным» исключением из общего правила – вышеупомянутая ст. 100 УПК РФ прямо увязывает его допустимость с некими исключительными случаями, т. е. с ситуациями, явно выходящими за пределы следственной рутины и обыденности, например, предполагающими техническую невозможность оперативного производства самых безотлагательных процессуальных действий, удаленность места задержания подозреваемого органом дознания

¹ В этой связи хотелось бы, предавшись «лирическим воспоминаниям», поведать о случае из собственной следственной практики, произошедшем в конце 1990-х гг. во время прохождения службы в органах предварительного следствия. Так, сотрудниками криминальной милиции (одного из отделов московского УБЭПа) была выявлена и пресечена деятельность организованной группы, промышлявшей в течение нескольких месяцев совершением различных экономических преступлений. Посредством проведения заранее разработанной и хорошо подготовленной операции семеро участников группы были задержаны, доставлены на Петровку, 38 и переданы в ведение автора настоящей статьи – в ту пору «рядового» следователя Следственного управления ГУВД г. Москвы. И, по правде говоря, в тот момент все подлинно юридические вопросы данного уголовного дела (о предполагаемой квалификации действий задержанных, о степени доказанности фактов участия каждого из них в выявленной преступной схеме и т. д.) представлялись автору статьи совершенно второстепенными, не имеющими абсолютно никакого значения. Важным виделся лишь один, полностью занимающий мысленное пространство, не позволяющий думать ни о чем ином вопрос: как вообще успеть «оформить» такую большую «компанию» в установленный срок и где найти время на соблюдение всех формальностей, связанных с одновременным задержанием семи человек? А ведь в те годы предусматривался более благоприятный для органов предварительного следствия срок задержания подозреваемого – 72 часа с момента составления соответствующего протокола. Да и судебный порядок заключения под стражу не требовался; эти вопросы решались гораздо проще – посредством прокурорского санкционирования.

от районного центра, т. е. когда отведенное время расходуется на доставку человека в суд и т. д. В этой связи в ряде публикаций высказывается совершенно правильно передающая смысл закона, хотя и противоречащая потребностям следственной практики позиция: подобное дозволение предназначено лишь для нестандартных казусов, тогда как в более тривиальных ситуациях его использование неприемлемо [7, с. 536–537]. К тому же предусмотренные ст. 100 УПК РФ особые условия применения мер пресечения вовсе не рассчитаны на продолжительное время – их использование лишь позволяет получить 10- или 45-суточную (а по факту – 8- или 43-суточную) процессуальную передышку, не освобождающую от бремени привлечения в качестве обвиняемого в строго определенный законом и, следовательно, все равно не предполагающий свободы внутреннего убеждения срок.

Ввиду изложенного в следственной практике уже много лет применяется двухэтапная технология формулирования уголовно-правовой претензии как предмета предстоящего судебного заседания. Она состоит в выдвигании в отношении подвергнутого уголовному преследованию человека двух различных по времени выдвигания, объему, содержанию и степени обоснованности обвинений: 1) «пилотного» (первоначального), предъявляемого по результатам самых безотлагательных процессуально-познавательных действий в целях создания условий для избрания меры пресечения; 2) окончательного (обвинения в окончательной редакции), предопределенного итогами всего досудебного производства, должным образом обоснованного достаточной совокупностью доказательств, выражающего внутреннюю убежденность в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления, поэтому формулируемого и предъявляемого непосредственно перед началом предусмотренной гл. 30 УПК РФ финальной части предварительного расследования. Данная технология стала уже настолько привычной, настолько глубоко укоренилась в деятельности следственных работников, что воспринимается ими как нечто бесспорное, само собой разумеющееся. А в качестве ее правовой базы используются известные положения, установленные ч. 1 ст. 175 УПК РФ, которые позволяют частично изменять либо дополнять ранее предъявленное обвинение. По крайней мере, именно к таким выводам подталкивают результаты небольшого опроса сотрудников ряда областных (приравненных к ним),

районных (приравненных к ним) и линейных подразделений Следственного комитета РФ и органов внутренних дел. На вопрос о причинах использования двухэтапной технологии формулирования уголовно-правовой претензии 54 % респондентов ответили, что поступают подобным образом по указанию руководства, тогда как 32 % объяснили существование такой практики настоятельными требованиями прокуратуры. Еще 11 % опрошенных ответили, что этот алгоритм использовался всегда (в частности, некоторые поведали, что именно так предъявлять обвинение их учили еще в вузе). Остальные 3 % респондентов затруднились дать какой-либо определенный ответ.

Что же послужило причиной введения в систему уголовно-процессуального регулирования требования о приоритетном характере избрания мер пресечения именно в отношении обвиняемых? Думается, что ответить на этот, казалось бы, запутанный вопрос не так уж и трудно!

По всей видимости, возникновение указанного требования было обусловлено особенностями развития советского и постсоветского уголовно-процессуального права, предполагающими частые перекодификации нормативных источников, сопряженные с намерениями обеспечения преемственности вновь принимаемых кодексов по отношению к прежним. Скорее всего, данное предписание в современном виде появилось в результате несколько не продуманного заимствования близких по содержанию, но имеющих принципиально иной смысл положений дореволюционного законодательства без их надлежащей адаптации к совершенно иной, хотя и сохраняющей исконные романо-германские корни парадигме досудебного производства.

Ведь подобное правило было свойственно «царскому» уголовному судопроизводству еще со времен архаичного Соборного уложения 1649 г.¹, в частности нашло отражение в «николаевском» Своде законов²; в последующем оно было позаимствовано авторами Устава уголовного судопроизводства 1864 г.³, откуда плавно перекочевало в первые советские Уголовно-про-

цессуальные кодексы 1922⁴ и 1923 гг.⁵, далее – в УПК РСФСР 1960 г.⁶, а затем – в действующий УПК РФ. Вместе с тем не было учтено, что ранее, в дореволюционный период, правовое положение обвиняемых вообще не характеризовалось столь сильной степенью формализации, какая возникла гораздо позднее, уже в советский период развития уголовно-процессуального права. Например, по смыслу Устава уголовного судопроизводства под обвиняемым надлежало понимать некоего, не вполне определенного участника предварительного следствия, проверяемого на причастность к совершенному преступлению, а для его введения в такое юридическое состояние никакого специального постановления выносить не требовалось. По сути, этот субъект скорее напоминал не столько современного обвиняемого, сколько подозреваемого, тогда как положение самого подозреваемого вообще предполагало непроцессуальную, как бы «предследственную» природу – ограничивалось дознавательской деятельностью полиции. Другими словами, основной причиной, предопределившей появление в советском и постсоветском уголовно-процессуальном праве норм, ставящих применение мер пресечения в зависимости от надления лица статусом обвиняемого, по всей вероятности, явилось следствием присущих национальному правотворчеству терминологической путаницы и чехарды – весьма деструктивных обстоятельств, обусловленных нежеланием разработчиков соответствующих законопроектов уделять должное внимание предлагаемым формулировкам, надлежащим образом вникать в историю использования тех или иных нормативных терминов.

Результаты исследования

Верно ли высказанное предположение? Действительно ли основная причина введения в систему уголовно-процессуального регулирования данного требования настолько проста и банальна? Скорее всего, да! По крайней мере, выдвинуть какие-либо иные версии, позволяющие объяснить возникновение подобного изъяна, не представляется возможным.

В любом случае совершенно ясно одно: базовое условие, предполагающее приоритетность

¹ Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.

² Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: издание 1842 года: [в 15 т.]. СПб.: В тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1842–1855.

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1 – / изданные Государственной канцелярией. – 2-е издание, дополненное. Санкт-Петербург: в типографии 2 отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867.

⁴ Об Уголовно-процессуальном кодексе: постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РС.Ф.С.Р.) // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

⁵ Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РС.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 15 февр. 1923 г. (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РС.Ф.С.Р.) // Известия ВЦИК. 1923. № 37.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

избрания меры пресечения в отношении обвиняемого, в настоящее время не имеет никакой прикладной ценности, не содержит никаких дополнительных процессуальных гарантий, никоим образом не повышает уровень правовой защищенности подвергаемых уголовному преследованию лиц. Тогда как детерминированные им деструктивные последствия видны невооруженным глазом – выражены в потребности выдвижения преждевременных и необоснованных уголовно-правовых претензий, приводящих к явной несправедливости, к превращению обвиняемых (по сути, подозреваемых) в заложников поспешной и непродуманной правотворческой политики. Наряду с этим предопределенные таким условием практические технологии существенно обременяют работу и без того сильно перегруженных следователей – вынуждают их проводить не имеющие никакого смысла процессуальные действия, готовить лишние документы, т. е. искусственно раздувать объемы следственной бюрократии и материалов уголовных дел.

На основании всего вышеизложенного напрашивается очевидный вывод: правовое условие, увязывающее приоритетность избрания установленных УПК РФ процессуально-пресекательных механизмов с признанием соответствующего лица обвиняемым, – это явный законодательный анахронизм, подлежащий как можно более скорой ликвидации. Механизмы обвинения как одного из этапов уголовного преследования и применения мер пресечения как средств обеспечения надлежащего поведения субъектов уголовно-процессуальных правоотношений – достаточно автономные, по крайней мере, не подлежащие нахождению в столь жесткой связке, имеющие различное предназначение, осуществляемые для решения совершенно разных правовых задач формы реализации государственно-властных полномочий.

Обсуждения и заключения

Представляется, что возможность следователя (дознавателя) избрать любую из предусмотренных ст. 98 УПК РФ правоограничительных мер (ходатайствовать о ее избрании перед судом) именно в отношении подозреваемого, т. е. без выдвижения и предъявления ему уголовно-правовой претензии, не должна восприниматься как нечто редкое, исключительное, подлежащее использованию только при стечении каких-то выходящих за пределы обыденности обстоятельств. Такое дозволение

следует превратить в общее правило, пригодное к реализации по всем уголовным делам, в любых ситуациях – вне зависимости от готовности следователей к формулированию и выдвиганию обвинительных тезисов в соответствии со ст. 173 УПК РФ. В конце концов, ни в самом уголовно-процессуальном законе, ни в разработанных на его основе прикладных, в первую очередь ведомственных, рекомендациях нельзя усмотреть ни единого намека на возможность ограничения, тем более нарушения, прав подозреваемых ввиду несформированности в отношении него уголовно-правовой претензии – регламентированные действующим законодательством статусы подозреваемого и обвиняемого практически идентичны и отличаются лишь надением последнего (обвиняемого) рядом бессмысленных для первого (подозреваемого) «судебных» прав. Кстати, весьма примечательно, что Пленум Верховного Суда РФ, разъяснив в свое время вопросы, возникающие при заключении лиц под стражу, увязал законность подобного решения с обоснованностью подозрения в совершении преступления (не обвинения, а именно подозрения!)¹.

Завершая настоящую статью, остается лишь надеяться, что рано или поздно законодатель все же прислушается к высказанным предложениям и предпримет соответствующие правотворческие шаги. Думается, что они смогут в некоторой степени повлиять на оптимизацию правоприменительной практики, в частности позволят усилить защищенность подвергаемых уголовному преследованию лиц от необоснованных обвинений, поспособствуют снижению возлагаемой на следователей нагрузки, а значит – и повышению общего качества досудебного производства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуткин И. М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М. : Высшая школа МООП РСФСР, 1963. 43 с.
2. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М. : Юрид. лит., 1971. 131 с.
3. Коврига З. Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1975. 175 с.
4. Курс уголовного судопроизводства / под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2016. 1276 с.
5. Михайлов В. А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве : учеб. пособие. М. : Акад. МВД СССР, 1991. 189 с.
6. Михайлов В. А. Методологические основы мер пресечения. М. : Акад. управления МВД России, 1998. 304 с.

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 дек. 2013 г. № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

7. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / под ред. Д. С. Карева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 271 с.

8. Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого как автономная следственная процедура: явный пережиток прошлого или закономерно существующий правовой инструмент? // Государство и право. 2022. № 3. С. 61–69.

9. Россинский С. Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. 2021. № 4 (95). С. 121–128. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.4.121>

10. Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого: «реперная точка» уголовного преследования или итог предварительного следствия? // Юристы-Правоведы. 2021. № 4 (99). С. 100–105.

11. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / отв. ред. М. М. Гродзинский. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.

REFERENCES

1. Gutkin I.M. *Mery presecheniya v sovetskom ugovolnom pro- cesse* [Preventive measures in Soviet criminal proceedings]. Moscow, Higher School MOOP RSFSR Publ., 1963, 43 p. (in Russian)

2. Karneeva L.M. *Privlechenie k ugovolnoj otvetstvennosti. Zakonnost' i obosnovannost* [Criminal prosecution. Legality and validity]. Moscow, Legal literature Publ., 1971, 131 p. (in Russian)

3. Kovriga Z. F. *Ugovolno-processualnoe prinuzhdenie* [Criminal procedural coercion]. Voronezh, Voronezh University Publishing House, 1975, 175 p. (in Russian)

4. *Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva* [Course in criminal proceedings]. Ed. L.V. Golovko. Moscow, Statute Publ., 2016, 1276 p. (in Russian)

5. Mikhailov V.A. *Mery presecheniya v sovetskom ugovolnom sudoproiz- vodstve* [Preventive measures in Soviet criminal proceedings]. Textbook. Moscow, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1991, 189 p. (in Russian)

6. Mikhailov V.A. *Metodologicheskie osnovy mer presecheniya* [Methodological foundations of mersection]. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 1998, 304 p. (in Russian).

7. Polyansky N.N. *Voprosy teorii sovetskogo ugovolnogo processa* [Questions of the theory of Soviet criminal process. Ed. D.S. Kareva. Moscow, Moscow University Publishing House, 1956, 271 p. (in Russian)

8. Rossinsky S.B. *Privlechenie v kachestve obvinяемого как avtonomnaya sledstvennaya procedura: yavnyj perezhitok prosh- logo ili zakonomerno sushche- stvuyushchij pravovoj instrument?* [Detention as an autonomous follow-up procedure: a clear relic of the past or an existing judicial remedy?] *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2022, no. 3, pp. 61-69. (in Russian)

9. Rossinskij S. B. *O nedopustimosti "pilotnyh" obvineniy v dosudebno- m proizvodstve po ugovolnomu delu* [About the inad- missibility of "pilot" charges in pre-trial proceedings in a criminal case]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik* [Siberian Law Herald], 2021, no 4(95), pp. 121-128. <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2021.4.121> (in Russian)

10. Rossinsky S. B. *Privlechenie v kachestve obvinяемого: «repernaya toch-ka» ugovolnogo presledovaniya ili itog predvari- tel'nogo sledstviya?* [Involvement as an accused: the "starting point" of criminal prosecution or the result of the first investigations?] *YUrist-Pravoved* [Lawyer-Legalist], 2021, no. 4 (99), pp. 100-105. (in Russian)

11. Strogovich M.S. *Ugovolnoe presledovanie v sovetskom ugovolnom pro- cesse* [Criminal prosecution in Soviet criminal proceedings]. Ed. M.M. Grodzinsky. Moscow, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951, 191 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 07.02.2024; принята к публикации 09.02.2024

Received on 25.01.2024; approved on 07.02.2024; accepted for publication on 09.02.2024

Россинский Сергей Борисович – доктор юридиче- ских наук, профессор, главный научный сотрудник сек- тора уголовного права, уголовного процесса и кримино- логии, Институт государства и права РАН (Россия, 119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10), ORCID: 0000-0002-3862-3188, ResearcherID: A-9583-2019, Scopus AuthorID: 56578526900, PИИЦ AuthorID: 422673, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Juridical Sci- ences, Professor, Chief Researcher of the Criminal Law, Crimi- nal Procedure and Criminology Sector, Institute of State and Law RAS (10, Znamenka st., Moscow, 119019, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-3862-3188, ResearcherID: A-9583-2019, Scopus AuthorID: 56578526900, RSCI AuthorID: 422673, e-mail: s.rossinskiy@gmail.com